

УДК 323+323.174

УРАЛЬСКИЙ МАКРОРЕГИОН В СИСТЕМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

© 2015 г. М.В. Назукина

Пермский научный центр УрО РАН, Россия
e-mail: nazukina@mail.ru

Поступила в редакцию 16.04.2015 г.

Статья посвящена анализу проблемы макрорегиональной идентичности как отдельного уровня территориальной самоидентификации населения. Предложены два значения термина макрорегион: институциональное и воображаемое. Первое понимает его как субнациональный уровень пространственной организации жизни населения одного государства, которые локализуются внутри него с помощью политических и властных институтов и административных границ. В основе второго значения – соотнесение с группой, сообществом, в нем формальные границы территории отходят на второй план, становятся ментальным символическим конструктом. Выделяются основные тенденции системы региональных идентификаторов Урала как макрорегиона. Для него оказываются характерными ориентирование на промышленную специфику территорий и подчеркивание их индустриальной сущности, составляющего “уральский характер”. Значимую символическую роль играют также граница “Европа-Азия” и герои региона – Ермак, Бажов и заводчики (Демидовы, Строгановы). Определяется содержание сложившейся системы уральских идентификаторов в Пермском крае. Показано, что для региона характерны множественная макрорегиональная идентичность и постепенный отход от уральской идентификации, в том числе по причине отнесения региона к Приволжскому округу и политики бывшего губернатора О.А. Чиркунова, переориентировавшего политику идентичности в крае на цивилизационное (“европейское”) основание.

Ключевые слова: идентичность, регион, макрорегиональная идентичность, границы, Урал, уральская идентичность, бренд, символы, губернатор, Пермский край.

В современных гуманитарных науках изучение территориальной идентичности на разных уровнях пространственной структуры – это общераспространенная практика. С одной стороны, это объясняется важностью территориального измерения в общей матрице идентичности человека. С другой стороны, обращение к теме актуализировано инструментальной ролью идентичности, что важно для оценки социальных последствий и потенциала протекающих на уровне территорий социально-политических и культурных процессов. Идентификация с территорией (местом, городом, регионом и пр.) становится инструментом социально-политической мобилизации разных общностей людей, ресурсом развития места и осознание ее важности происходят повсеместно.

Однако, несмотря на растущий интерес и безусловную практическую значимость, исследования территориальной идентичности в российской

науке чаще проводятся на региональном и локальном материале. Вместе с тем, не меньшее значение имеет и самоидентификация с населением с так называемыми макрорегионами. В данной статье мы рассмотрим макрорегиональную идентичность как отдельный идентификационный уровень.

Понятие и методология исследования макрорегиональной идентичности. В ряду территориальных идентичностей макрорегиональный уровень занимает промежуточное положение между региональным и национальным. Но помимо территориальных сообществ внутри государства макрорегионами часто называют и возникающие наднациональные образования (в частности, Европейский союз), а также регионы, опирающиеся на общие цивилизационные основания (Европа, Азия, Америка и др.). Так, классификацию стран по макрорегионам мира, применяемую в целях статистики ООН, можно считать одним из примеров подобной географической группировки на макрорегионы (выделение Восточной, Северной, Западной и Южной Европы и пр.).

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-13-59005.

Очевидная многозначность формирования макрорегиональных общностей связана с различными основаниями выделения макрорегиона. Поэтому при определении макрорегиональной идентичности важно понимать, какие критерии лежат в основе дефиниции сущности региона. В зависимости от этого будет отличаться и определение “макрорегиона”, как одной из его разновидностей.

Самое простое определение термина “регион” – юридическое толкование, приравнивающее его к субъектам территориальной организации публичного пространства внутри государства. Разновидность подобной дефиниции – определение региона как субнационального уровня, находящегося между собственно государством и местным уровнем. Подобное определение в том числе используется и в политической науке, где регион рассматривается как одна из единиц территориальной структуры национального государства, часть сетки административно-территориального деления, где действуют региональные властные институты с определенными компетенциями и соответствующими финансовыми ресурсами для их реализации, происходит региональная политическая жизнь [2, с. 7].

Такой взгляд на регион подчеркивает важность институционального аспекта: наличие политических субъектов и институтов, действующих в рамках территориально очерченного пространства, что позволяет легко определить границы регионального пространства. Территориальная идентификация здесь рассматривается как производная от деятельности политического института, установленных внешними акторами границ или как следствие принятых в федеральном центре решений. Под таким углом зрения любая региональная политика, обладающая необходимыми институтами и собственным политическим статусом, может найти выход в идентификации и соотношении с ними [9, с. 123]. Иными словами, макрорегион здесь – это субнациональный уровень пространственной организации жизни населения одного государства внутри заданных посредством политических и властных институтов административных границ части/частей этого государства.

И, действительно, если мы обратимся к официальному дискурсу, то обнаружим, что термин “макрорегион” в России часто употребляется по отношению к экономическим районам и как синоним федерального округа. К примеру, несколько лет назад, будучи президентом России, Д.А. Медведев заявил, что термин “макрорегионы” не

применим к современной России, поскольку не отражает ее административно-территориального деления: «Что такое макрорегионы? Непонятное совершенно выражение. У нас есть субъекты Федерации, есть округа. Что такое “макрорегионы”, я не знаю», – сказал президент на совещании по созданию в России научно-образовательных центров [21]. Тем не менее, на уровне дискурса власти термин макрорегион довольно часто используется в контексте попыток изменить схему административно-территориального деления в стране. Однако основополагающего понимания, что такое “макрорегион” не сложилось и в дискурсе официальных лиц. В.В. Путин еще в конце 2007 г. заявил: «Нам нужны целенаправленные исследования по определению самого понятия “макрорегион”, определению его границ, обусловленных территориальными, природными, инфраструктурными, демографическими и этнокультурологическими особенностями» [19]. Тогда же Министерству регионального развития было поручено подготовить концепцию разделения России на несколько макрорегионов или макроэкономических регионов. Проект деления на макроэкономические регионы был подготовлен. Он содержал предложение создания 10 макроэкономических образований: Центрального, Центрально-Черноземного, Северо-Западного, Северного, Южного, Поволжского, Уральского, Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Дальневосточного. И речь шла не о политических регионах, а о создании территориальных союзов регионов, объединенных экономической спецификацией.

Этот нереализованный проект определяет ракурс понимания макрорегиона как суперсубъекта, формально структурированного внешне заданными границами. Между тем, существенным ограничением такой дефиниции является неучет других критериев возможного определения региона (таких например, как географические особенности или социально-культурная взаимозависимость), способных в ряде случаев и при известном стечении обстоятельств стать более значимым фактором при характеристике собственной принадлежности, чем зафиксированный в Российском паспорте в графе “место рождения” или “прописка” субъект федерации.

На наш взгляд, это ограничение вполне можно обойти, используя конструктивистское понимание определения региона вообще и макрорегиона как его разновидности. Оно основывается на понимании территории как пространства, отделяемого от прочих сложившимися границами, системами коммуникаций между людьми и общей для них культурной памятью и “картиной мира”.

При таком подходе, идентичности рассматриваются как воспроизводимые в социальных практиках, определяются не как застывший набор признаков и свойств индивида или группы, демонстрирующих его/их самость, а как процесс выработки коллективных смыслов, наполняющих значением качества данной общности. Иными словами, идентичность – это постоянные процессы идентификации, самопонимания, конструирования значений (вариантов ответа на вопрос “кто мы”), которые соперничают между собой, и каждое из которых потенциально может стать доминирующим в идентификационной матрице индивида или группы. В основе идентичности могут лежать самые разные показатели общности – антропологические особенности, совместная территория проживания, историческое прошлое, религия, профессия, принадлежность к корпорации, общественный статус, уровень и специфика полученного образования и т.д. Любое основание идентификации может сознательно акцентироваться под воздействием субъектов политического процесса и приобретать политическое качество.

Здесь мы следуем логике П. Бурдьё: процесс конструирования доминирующей идентичности происходит по большей части неосознанно, когда участники группы усваивают те принципы идентификации, которые и производят их идентичности. Агентами такой рефлексии часто выступают интеллектуальные и политические элиты, а также научное сообщество. Как только происходит акт определения уникальностей и особенностей сообщества, происходит их символизация и они начинают существовать в объективированном состоянии в материальных предметах и средствах. Эти различия становятся частью символического капитала и вовлекаются в символическую борьбу за производство смыслов и утверждения монополии элит [1, с. 49]. Таким образом, политика идентичности становится неотъемлемой частью легитимации социального порядка в регионе. Ее основой является продвижение идеи общности территории, культуры, истории, распространение у населения чувств сопричастности с регионом и получение выгод от членства в региональном сообществе. Политику идентичности мы можем определить как сознательное изобретение и использование региональной уникальности, а также продвижение конструируемой уникальности, что выражается в формировании регионального имиджа (политика по формированию имиджа, позиционирование территории во внешнее пространство и т.д.). Целенаправленное продвижение позитивного образа может проходить двумя путями: внутрь региона (для улучшения позитивного

восприятия региона самими его жителями) и вне региона – с адресацией внешним наблюдателям (другим регионам, федеральному Центру, международным акторам). Конечная цель подобного политического курса связана с изменением социальных представлений о регионе, развитием позитивного самоощущения и чувства гордости населения от проживания в рамках регионально-го пространства.

Большинству индивидов в современных условиях свойственна множественность в том числе и территориальных идентификаций. Приоритет самоидентификации в каждом конкретном случае может относиться к разным территориальным уровням [8]. При определении степени выраженности территориального уровня в идентификационной матрице можно использовать следующие индикаторы:

1. место территориальности среди прочих маркеров идентичности (например, национального, профессионального, социального и пр.), а также отождествление себя в первую очередь как “жителя своего региона (округа, макрорегиона, республики, края, области)”;

2. отношение к “своему” месту (по шкале положительное – отрицательное) и представление самого сообщества о своей уникальности (природно-географические, историко-культурные, социально-экономические, политические особенности образа);

3. институциональная идентификация или “укорененность” сообщества: высокий или низкий уровень доверия к институтам власти, в том числе актуализирующееся во время проведения политических выборов, характерное для региона сальдо миграций населения;

4. номенализация сообщества или наличие имени территории, в том числе неофициального;

5. позиционирование общности территории или наличие политики идентичности элитных групп, проявляемое в следующих характеристиках:

– наличие/отсутствие официальной символики (герб, флаг, гимн), “визитной карточки”, неофициальных символов – ключевых сувениров региона, мифологем (традиции, легенды, фольклор);

– определение ключевого символа общности (наличие конкурсов “7 чудес региона”, “символ региона”, “имя региона”, “гордость региона”, участие в проекте “7 чудес России”, “Россия 10”, проектах “Сказочная карта России”, “Вкусная карта России”, общественный резонанс и интенсивность регионального дискурса общности во время данных конкурсов);

– брендинг: 1) в туризме (туристическая привлекательность), 2) инвестиционной привлекательности (наличие программ по инвестиционной политике, крупных бизнес-событий – форумов, спортивных мероприятий и пр.), 3) в торговых марках и названиях продуктов производства в регионе, 4) наличие персонифицированных брендов (выдающихся лидеров региона – “культурные герои” региона, города, звезды спорта, эстрады), 5) в региональной политике (наличие выдающихся региональных политических фигур, образа “местных выборов”);

– претензия на статусность (столичность, центральность и пр.) и наличие региональных и городских амбиций, подкрепленных реализацией крупного федерального проекта на территории региона;

– реакция на появление “чужаков” (“варягов”) во время региональных и местных выборов;

– реакция на проводимую политику по конструированию уникальности в самом сообществе и степень включения общественности в данный процесс.

Результатом рефлексии о самости должны стать маркеры идентичности: территориальные символы и объекты гордости, ритуальные практики, благодаря которым становится возможным ощущение коллективной солидарности регионального сообщества.

Нередко именно история освоения территории, общая модель хозяйственной деятельности и уклад повседневной жизни поддерживают представления об общем пространстве поверх административных границ и, на этой основе, устойчивую макрорегиональную идентичность (Русского Севера, горнозаводского Урала, Центральной России и др.). Такой тип самоидентификации в первую очередь строится на основе соотнесения с группой, сообществом, и, следовательно, здесь формальные границы территории отходят на второй план, становятся ментальным символическим конструктом.

В данной трактовке макрорегион предстает как внутривосточное или межстрановое объединение, чаще всего базирующееся на объективных факторах и общей социокультурной основе. Такие макрорегионы можно считать “воображаемыми”. Вариантами подобного структурирования территориальностей являются:

– макрорегионы, оформленные цивилизационно (Европа и пр.),

– макрорегионы, оформленные исторически, этнически, географически (юг России, Сибирь, Горнозаводской Урал и пр.).

Важные факторы складывания макрорегиональных идентичностей – особенности исторического развития, динамика оформления территориальных общностей и характер внутренней колонизации. Для них характерно отсутствие четких административных границ, и большое значение отводится невидимым или символическим границам. Основаниями для идентификации с макрорегионами выступают географические и природные особенности территории.

Общие особенности дискурса уральской идентичности. Один из устойчивых макрорегионов на карте России – Уральский регион. Его название имеет сравнительно непродолжительную историю, его происхождение связывается с деятельностью В.Н. Татищева в начале XVIII в. Существует несколько версий его происхождения. Согласно мансийской теории происхождения названия, слово “урал” связано с мансийским “Ур” – “гора” (“Ур ала” в переводе с языка манси – “вершина горы”). По другим источникам “урал” – это слово имеет тюркские корни и переводится как “каменный пояс”. Есть также версия, что Урал – это составное из “у”-“РА” и имеет славянские истоки, отождествляющие горы с верховным славянским божеством РА. Несмотря на отсутствие единства во мнении о происхождении названия, все же более вероятна версия о его первичном значении от названия горной цепи.

Определение границ Уральского региона также связано со сложностями, поскольку нет их общепринятых критериев, и его границы обычно проводят по географическому положению, территориально-административному делению и социально-экономическим признакам:

– географическая граница Урала формируется Восточно-Европейской (Предуралье) и Западно-Сибирской (Зауралье) равнинами и разделяющими их горами Уральского горного массива. Общеизвестно, что по Уральским горам проходит условная граница между Европой и Азией;

– административные границы Урала связаны с определением субъектов России, которые включаются в этот макрорегион. Обычно среди них фигурируют Свердловская область, Челябинская область, Башкирия, Курганская область, Оренбургская область, Пермский край, но иногда также Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО-Югра и Республика Коми. Создание в 2000 г. федеральных округов значительно сузило административные границы Урала до регионов Уральского Федерального округа, в который были отнесены Курганская область, Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область, Ханты-Мансийский АО Ямало-Ненецкий АО;

– социально-экономическое определение границ Уральского макрорегиона связано с сеткой экономических районов, которых в России было выделено еще в советский период 11. Площадь Уральского экономического района составляет 824 тыс. км² и в его состав входят Пермский край, Свердловская область, Челябинская область, Курганская область, Оренбургская область, Республика Башкирия и Республика Удмуртия.

Таким образом, территория Урала подвижна в зависимости от основания, ограничивающего его пространство. Во все три типа указанных границ попадает только три региона: Свердловская область, Челябинская область и Курганская область.

Границы Урала как территориального сообщества людей с неким особым самосознанием связаны с конкретными носителями уральской идентичности. Анализ практик позиционирования регионов (внешний образ и образ Урала, представленный в презентационных материалах, а также интервью руководителей регионов) через маркер Урала показывает, что уральская идентичность более всего представлена в двух регионах – Свердловской и Челябинской областях и отчасти характерна для Пермского края и Курганской области. В таком случае именно их можно назвать ядром Урала и уральской идентичности [7]. Задача подобного анализа заключается в выделении ключевых “узловых точек” (концептов), образующих специфику уральского дискурса, а также связана с анализом стратегий определения себя через маркер Урала (таблица). Для Оренбургской области оказывается более типичным акцентирование на южности и ее приграничном положении в составе России как таковой, чем на ее географической принадлежности к Уралу. Для Башкортостана и Удмуртии важнее национальный маркер, а для Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого АО и Республики Коми в дополнение к нему северный и арктический маркеры особенности.

Исследование показывает, что основополагающей основой осмысления специфики Уральского макрорегиона является **экономический (индустриальный) дискурс, реализуемый через заводской символ**. По наблюдениям В.Л. Каганского, на Урале имеет место выраженная макрорегиональная идентичность, и она носит ценностно-позитивный характер, включающий экономический успех и понимание природного и культурного ландшафта [5, с. 16]. Наличие огромных ресурсов, мощного промышленного потенциала неразрывно связано с Уралом. Именно стратегическая (индустриальная) роль в общей

Таблица. Основные смыслы уральской особенности

Категория	Характеристика
Урал – регион	Отдельный регион, играет особую роль, стратегический и успешный, экономически развитый регион
Ресурсы	Экономика. Большая роль государства в развитии экономики. Сырье. Промышленность. Индустриальность. Добыча. Заводы
Коммуникация, географическое положение	Срединный регион, опора, хребет. Граница “Европа-Азия”
Природа	Уникальная природа. Уральские горы. Каменный пояс. Чусовая
Сообщество, люди	Уральцы, уральский характер, труд, мужественность, изобретения и инновации, мастерство, пересечение культур
Герои	Ермак. Бажов и его сказы. Крупнейшие промышленники и землевладельцы Урала – Строгановы и Демидовы

Примечание. Составлено автором на основании дискурс-анализа материалов интернет ресурсов, региональных СМИ, визитных карточек и экспертных интервью.

функциональной системе государства формирует уральскую особенность. Неслучайно на территории уральского макрорегиона расположено больше всего моногородов (четверть) и их отличительной особенностью является промышленный вектор развития.

Довольно ярко экономическая специфика в восприятии региона проявляется в Свердловской и Челябинской областях, выстраивающих свою идентичность на базе общеуральского мифа. Особый статус здесь подчеркивается приписыванием территории макрорегиона некой неординарной роли в экономике: “Урал – стеновый хребет (или опорный край) державы” (Свердловская область), “стальное сердце Урала” (Челябинская область). Мы видим широкое распространение слова “уральский” в названиях свердловских заводов (ОАО “Уралмаш”, ОАО “Уралхиммаш”, ФГУП “Урал-трансмаш” и др.), институтов (Уральский федеральный университет, Уральское отделение РАН и пр.) и других организаций. Показательно, например, что довольно часто название региона вытесняется именем “Средний Урал”, а также просто Урал.

Курганская область также позиционирует себя через использование маркера “Урал”. Это находит проявление во втором названии региона как “Зауралья”, которое широко распространено здесь начиная от названий местных СМИ (“Зауральский

курьер”) и заканчивая спортивными командами (хоккейный клуб “Зауралье”). Однако в отличие от других уральских территорий Курганская область не может похвастаться образом успешного экономического субъекта, занимающего центральное ядро в уральском мифе, поэтому она пытается самоопределиваться на основе других показателей, до сих пор занимаясь поисками своей исключительности на фоне других территорий.

Известный писатель Алексей Иванов, автор многочисленных работ по Уралу, отмечает в этом ключе роль производства в общей истории территории: “На протяжении веков вся жизнь здесь была подчинена промышленному производству: здесь все время что-то добывали, строили, производили”, поэтому, определяя специфику уральской идентичности, он концентрирует матрицу смыслов самости вокруг ценности труда: “На Урале по-прежнему наиболее эффективный тип хозяйства – промышленность, и потому идентичность – промышленная, т.е., базирующаяся на ценности труда” [16].

Урал – важная территория, выполняющая роль срединного региона, оплота и **опоры государства**, поэтому другая важная черта уральской самости обусловлена тем, что на протяжении долгого исторического времени Урал представляет собой “промежуточную и соединяющую территорию”, между обжитым “историческим ядром” России и переселенческими сибирскими просторами [8, с. 49]. В этом смысле нарицательным выглядит название известного документального сериала “Хребет России” об истории Урала как основы России – действительно своего рода “хребта” страны.

Индустриальный миф в тех же субъектах РФ дополняется идеей пограничного статуса региона, как места схождения культур Запада и Востока, проявляющееся в позиционировании **границы Европы – Азии**. Так, “на стыке” “на идее синтеза” формируется уникальное сообщество – уральское сообщество, “где встречаются Европа и Азия, славяне, финно-угры и тюрки, православные, мусульмане и язычники – особая цивилизация, самобытный регион, не похожий ни на один другой” [16].

Из всех уральских регионов, в символическом арсенале которых есть граничное местоположение, тематика границы наиболее явно выражена в дискурсе региональной идентичности Свердловского региона, а особенно в столице региона – Екатеринбурге. Специально проведенная уральская экспедиция 2001 г. установила, что граница “Европа-Азия” пересекает Екатеринбург, резуль-

татом чего стало появление в регионе масштабного проекта “Европа-Азия”. В 2004 г. прошло торжественное открытие стелы – символа границы Европы и Азии. В его основание были заложены два камня, символизирующие единение двух частей света: один был привезен с самой крайней точки Европы – мыса Рока, другой доставлен с самого края азиатской части континента – мыса Дежнёва.

Персонифицированными выразителями уральской идентичности являются региональные “культурные герои”.

1. **Ермак**. “Он отец, царь и Бог уральский... Ермак – русский Колумб Сибири” – так его представляют в “Хребте России” Алексей Иванов и Леонид Парфенов. Неслучайно на Урале существует легенда о Ермаке, по которой Ермак считается родом с Урала: якобы он родился на строгановских землях, в Чусовском городке, в семье крестьянина Тимофея Аленина. Эта версия озвучена, в частности, П.П. Бажовым, положившим ее в основу сказки “Ермаковы лебеди” [12].

2. **П. Бажов и его герои**. Созданный им авторский эпос признается уникальным и представляет собой редко встречаемый пример хорошо выстроенной и завершенной региональной мифологии, которая воспринимается населением как нечто, определяющее их исключительность. Эта мифология – часть более масштабного мифа – мифа об Урале, определяемого его “горностью”. Хозяйка предстает в нем как хранительница (некий оберег) Урала, который является пограничным в географическом плане регионом и выступает как кладезь подземных сокровищ, неизведанное и неосвоенное до конца пространство. На родине Павла Петровича Бажова г. Полевском Свердловской области, где было создано большинство его сказов (“Медной горы Хозяйка”, “Малахитовая шкатулка” и др.), люди искренне верят в то, что Хозяйка существует на самом деле, а в городском музее представлены лоскутки ее одежды, также карты, где ее можно встретить, и т.д.

3. **Строгановы и Демидовы** как агенты, развивающие горнозаводскую промышленность: солеварение – Строгановы, черную металлургию – Демидовы.

Алексей Иванов в своей книге “Message: Чусовая” (“Чусовая как послание”) указывает на различия в деятельности династий Строгановых в Пермском и Демидовых в Среднеуральском регионе, демонстрирующие двойственность Урала. «Демидовы не владели землёй, а владели – посессионно – только заводами, поэтому они первыми сформулировали и реализовали принцип “срыва-

ния вершков”. Это когда при свеженьком месторождении быстро возводится завод и снимаются “сливки”... А строгановские заводы вырастали на строгановских землях. И землю продать никто не мог. Поэтому Строгановы заботились, чтобы заводы работали, не закрывались» [4, с. 314–315].

Указанные образы формируют основу для уральской уникальности. Вместе с тем в каждом регионе данного сообщества смыслы, составляющие основу макрорегиональной идентичности, могут отражаться в специфическом аспекте.

Между Волгой и Уралом: проблема пермского выбора. Рассмотрим более подробно актуализацию уральской идентичности в Пермском крае. Данный регион представляет интерес в силу того, что оказался “разорванным” между уральским историческим и административно новым приволжским макрорегионами, что не может не отразиться на ментальных характеристиках.

Уральский дискурс наиболее сильно представлен в пермской ментальной карте при осмыслении общих для всех уральских земель исторических судеб. Для складывания региональной идентичности Пермского региона большое значение оказал и продолжает оказывать процесс самоопределения региона через противостояние с соседней Свердловской областью. Обусловлено это в первую очередь историческими причинами. Географическое соседство Перми и Екатеринбурга, а долгое время и их административное единство (территория нынешней Свердловской области входила в состав Пермской губернии, а в XX в. Пермская – в состав Уральской области) стимулировало конкуренцию за “лидерство” на уральской земле. *«Пермь и Екатеринбург. Монтечки и Капуллетти, – писал об этом 19 мая 1901 г. В. Гукс в “Пермских ведомостях”. – Пермь, считая себя во главе губернии, смотрит на Екатеринбург свысока, а Екатеринбург считает себя столицей Урала и уверен, что он в составе Пермской губернии по недоразумению»* [10].

Наиболее остро борьба двух городов проявилась в конкуренции за направление путей сообщения, в которой Екатеринбург отстоял выгодные для себя направления железных дорог, став местом средоточия железнодорожных путей, ведущих во все концы страны [13]. Эта “инфраструктурная победа” задала тон развитию региона, сделав Екатеринбург своеобразной “точкой роста” на Урале.

При этом Челябинск оказывается невключенным в это историческое соперничество за лидерство на уральской земле. На наш взгляд, в разнице основания городов как раз и кроется

ключевая причина образования именно дуальной конкуренции. Ведь Челябинск закладывался как крепость на месте башкирской деревни Челябы, а не как город-завод. Из этого следовала и иная ориентация в развитии территории. Исторически Челябинск интегрируется в территориальные сети с южными территориями – Башкирией, Оренбургом и Сибирскими землями. Кроме того, город фактически никогда за свою историю не выполнял функций крупного административного центра (и у него нет столичных амбиций), за исключением периода в 1743–1781 гг., когда он был центром Исетской провинции.

Сегодня вектор соперничества для Екатеринбурга вышел за пределы уральской территории, город интегрирован в глобальные сети, и его лидерство на Урале не оспаривается. А для пермяков, амбиция столицы на сегодняшний день не привязывается к Уралу, а если и привязана, то обращена в прошлое, как потерянный и несправедливо отнятый статус, поэтому обращение к этой теме всегда эмоционально окрашено и нагружено фактами.

Тем не менее, историческое соперничество за лидерство на уральской земле между Екатеринбургом и Пермью определило одну из важнейших особенностей процесса конструирования региональной идентичности пермяков. Приняв за факт свое поражение в негласном противостоянии (потеря статуса столицы, “опорного края державы”): *“...юбилей двух городов были не вполне равными. Свердловску на юбилей дали высшую советскую награду – орден Ленина. У Перми такой орден уже был, получен еще в 1971-м. Им была награждена и Пермская область в 1967-м. Но зато у Свердловской области имелось на знамени два ордена Ленина. Могли бы и Перми дать второй орден на юбилей, пусть и не самый высший. Но – не дали. И марку почта СССР выпустила лишь посвященную 250-летию Свердловска. И самое главное – правительство пообещало юбиляру метро. Но лишь одному, кому – уточнять не надо”* (С. Ивашкевич) [20]. Пермская элита в настоящее время пытается акцентировать свою самость и сравнимость с другими территориями, не только со Свердловским регионом. Бывший председатель правительства Пермского края Н.Ю. Бухвалов, к примеру, анализируя проблемы пространственного развития региона, замечает, что в советский период усиление позиций Екатеринбурга происходит благодаря особой государственной политике (как наказание Перми за лояльность старой власти в годы Гражданской войны), благодаря чему Свердловская область существенно обгоняет Пермскую не

только по темпам развития, но и по численности населения. С этих позиций отнесение Пермского региона к Приволжскому, а не к Уральскому федеральному округу также интерпретировалось позитивно. Не случайно, Николай Фадеев, занимавший пост главного федерального инспектора по Пермской области, заявлял, что руководство государства намеренно исключило Пермскую область из Уральской экономической зоны, чтобы она не оказалась “в руках” Э. Россея с его идеями Уральской республики.

Характерное для Урала граничное расположение Пермского края не может не повлиять на особенности регионального позиционирования. Однако если в Свердловской области используется именно дискурс границы, в Пермском крае он трансформирован в **дискурс о географической принадлежности региона к Европе**. Так, на официальном сайте Пермского края можно прочесть, что Пермский регион расположен “на стыке двух частей света – Европы и Азии... представляет собой как бы восточный “форпост” Европы, 99.8% пространства которого принадлежит этой части света и только 0.2% – Азии” [23]. Символ границы не акцентируется в идентичности пермяков, хотя на трассе Пермь-Серов воздвигнут монумент – пограничная разделительная композиция границы Европы и Азии. Более важным оказывается факт географической локализации территории в европейской части материка. Образ европейскости рассматривается здесь в качестве показателя принадлежности к более прогрессивным и “идушим в ногу со временем” территориям Европы. Интересно, что данная географическая “европейскость” Перми нередко противопоставляется более “азиатскому” Екатеринбург. В этой связи показательно четверостишие пермского поэта В. Виниченко: “Город Пермь стоит на Каме, И зовут нас пермяками, И живем мы все в Европе, А не где-нибудь там ... около” [17].

Самыми распространенными формами позиционирования на европейском основании становятся слоганы “Пермь – ворота в Европу!”, “Европа начинается в Перми!”. Причем символ “начала” соотносится с претензией на точку отсчета европейской миросистемы. К примеру, на одной из выставок в Перми работ европейских художников директор Пермской художественной галереи Надежда Беляева отметила, что пермские работы, более грубые и оттого более острые в художественном эффекте, и они кажутся более “изначальными”, чем европейские, как будто все началось в Перми, а потом развивалось в Европе [3].

Уральский дискурс в Пермском крае значительно затухает на фоне новых маркеров территориальности, которые регион приобретает в 2000-е годы. Значительное влияние на это оказала федеративная реформа, в ходе которой Пермская область (также как Башкирия, Удмуртия и Оренбургская область) попала в Приволжский, а не в Уральский федеральный округ. В результате в региональном сообществе был порожден определенный конфликт идентичностей по поводу отнесения того или иного региона к тому или иному округу.

Исследования в рамках проекта “Пермь как стиль” зафиксировали, что территориально-географическая идентичность (житель Урала) оказывается наименее актуальной для жителя Перми [11, с. 52]. Лишь 6% жителей поставили ее на первое место.

Географическое маркирование самости осуществляется через **двойственную идентичность пермяков как исторически и территориально Урала, а административно ставшего Поволжья**. Аналогично имеют распространение традиционное уральское название Пермского края как Западного Урала, а также внутреннее имя региона – Прикамье (иногда Парма). Разница в имени говорит о множественных основаниях, лежащих в основе ответа на идентификационный вопрос “кто мы?”. Здесь переплетаются как минимум четыре основания: географический маркер – Урал, природный маркер – Кама, исторический – Парма, Пермь Великая и административный – часть Поволжья или просто регион Пермский край.

Даже в конфетной и водочной продукции, часто сувенирной, эти названия встречаются все:

- водка “Старый Урал”, Премиум Бальзам “Уральское Предгорье”, настойка “Уральская рябина на коньяке” компании “Уралалко” [18];

- бальзамы: “Парма”, “Прикамский”, “Прикамский Черная Смородина”, водки “Пермь Великая”, “Пермский край” и др. ОАО “Пермалко” [24];

- конфеты “Уральские”, “Парма”, наборы конфет “Из Перми с любовью”. Пермь Великая / Зверинный стиль / Кунгурская ледяная пещера ОАО “Кондитерской фабрики “Пермская” [22].

Значимость каждого из имен региона может быть оценена по степени распространения в названиях в пермских организациях, фирмах, проектах и пр.

Популярный справочник 2ГИС выдает в Перми около 800 названий организаций, содержащих отсылку к “Уралу” и “уральскому”, который является самым значимым маркером в именах

фирм² (для сравнения: 3000 в Екатеринбурге и 1400 в Челябинске). Стоит отметить, что большинство организаций, называющих себя уральскими – чаще небольшие фирмы. При этом для символического позиционирования имеют значение гостиница “Урал”, улица “Уральская”, “Сквер уральских добровольцев”, кампания “Уралалко”. Также важным объектом региональной гордости был баскетбольный клуб “Урал-Грейт” (двукратный чемпион России по баскетболу), прекративший свое существование из-за долгов в 2009 г.

Кроме того, имеет место вытеснение традиционного уральского названия Пермского края как “Западного Урала” внутренним именем – “Прикамье”. Степень распространения маркера “Прикамье” в 2 раза превышает использование названия “Западный Урал” (102 против 48). Самыми позиционированными западноуральскими организациями являются: “Западно-Уральский банк Сбербанка России”, группа предприятий “Западно-Уральского машиностроительного концерна”, “Западно-Уральский институт экономики и права”, “Западно-Уральский горный техникум”, “Западно-Уральский головной аттестационный центр”, “Западно-Уральский информационный центр”. Примерами крупных “прикамских” организаций можно считать следующие: отель “Прикамье”, хоккейный клуб “Молот-Прикамье”, “Коммунальные Системы – Прикамье”, “Прикамский современный социально-гуманитарный колледж”, “Прикамский социальный институт”, “Прикамский современный социально-гуманитарный колледж”.

На уровне анализа дискурсивных практик также отмечается рост присутствия названия “Прикамья” в публичном пространстве. К примеру, в последнее время активно реализуются проект “Прикамский фермер”, краевой конкурс проектов “Прикамский витамин”, социальный проект “Прикамский пояс добра”, всероссийском конкурс “Прикамский олимп”, а в нескольких банках созданы “Прикамские” отделения (банки ВТБ 24, Росбанк, Русь-Банк).

Название “Парма” не столь позиционировано как “Урал” и “Прикамье” в Пермском регионе. В свое время оно имело известность в связи с игрой пермского КВН-клуба “Парма”, и довольно распространено в Коми-Пермяцком округе (независимая газета Коми-Пермяцкого округа “Парма-новости Кудымкар”, Гостиница “Парма”), а также встречается в названиях ряда предприя-

тий Перми (Парма-Телеком, ООО УК “Парма-Менеджмент”).

Однако можно прогнозировать увеличение символического капитала данного имени Пермского региона. Во-первых, в связи с недавним появлением новой баскетбольной команды “Парма”, показывающей довольно неплохие результаты и постепенно приобретающей популярность среди населения. Клуб связывают с возрождением баскетбольной славы региона времен “Урал-Грейта” и в обсуждениях на форумах даже предлагают переименовать в “Парма-Грейт”. Во-вторых, Парма связана с Пермью Великой или Биармией, древней территорией со своей мифологией, отчасти отраженной в историческом романе Алексея Иванова “Сердце Пармы” о покорении Перми Великой и культивируемой в этноландшафтном фестивале “Зов Пармы”, проводимом в Чердыни.

Вступая в должность, губернатор В.Ф. Басаргин использовал свое екатеринбургское происхождение и образы “уральского характера”. Поздравляя жителей Пермского края с наступающим 2015 годом, В.Ф. Басаргин также заговорил о некоем нашем “уральском характере”, который заключается в том, что “мы не просто справимся, мы не остановимся в своем движении вперед, в своем развитии и стремлении сделать завтрашний день лучше вчерашнего” [15].

Отметим, что для северных территорий Пермского края уральская идентичность по-прежнему наиболее значимая локальная идея. Так, Чердынь – один из древнейших городов Урала, считается его старинной столицей, административным, военным, и религиозным центром Перми Великой. Многочисленные туристические кампании предлагают путешествия в “волшебную жемчужину Урала”: *“первое, что ощущает всякий человек, впервые оказавшийся в бывшей столице всех североуральских земель Перми Великой Чердыни, – необыкновенную древность и загадочность этого города”* [14]. Более того, Чердынь стала знаковым местом для горнозаводского Урала, местом, через которое начиналось освоение Сибири. В этом контексте показательна роль Ермака, с именем которого связано “открытие” Сибири. В фильме “Урал хребет России” А. Иванов и Л. Парфенов называют его “царем и богом уральским”. В Чердыни значимы места, связанные с его походом, также увековечено имя: есть гостиница “Ермак – Полюд”, родник Ермаков ключ, река Ермак.

В контексте общеуральского мифа значимым символом выступает и река Чусовая, которая также неразрывно связана с походом Ермака. Она по

² На январь 2015 г.

сути является природной границей и символом Урала.

Вообще имя Ермака – одно из центральных в Пермском региональном пантеоне культурных героев. Это подтверждают и данные опросов. Так, в 2004 г. на вопрос о близких по духу и жизненным устремлениям соотечественниках максимальное количество набрали Ермак – 28.5% и Строгановы – 24.5%. В 2008 г. первое место заняла работа Василия Татищева – основателя Перми (38.6%), второе – промышленное освоение края семьей Строгановых (35.7%), а третье – покорение Сибири Ермаком (21.9%). С ним связаны многие легенды. Например, в Кунгурском районе есть скальный массив Ермак-камень, внутри которого находится пещера, в которой, согласно народным преданиям, зимовал Ермак и спрятал свои там скаржища.

Многие из городов “уральского ядра” являются проблемными и включены в список моногородов России (Чусовой, Горнозаводск, Александровск и др.). Специфика подобных территориальных образований заключается в жесткой зависимости наполняемости бюджета, благосостояния людей, их социально-экономической ситуации от градообразующего предприятия, поэтому актуальна задача поиска внутренних оснований для их будущего развития. Как представляется, локальная идентичность – это один из недооцененных ресурсов развития моногорода, способного активизировать социально-экономическое развитие места.

Таким образом, для “уральскости” характерны ориентирование на промышленную специфику территорий, и подчеркивание их индустриальной сущности, составляющего “уральский характер”. Образ и бренд Урала, в первую очередь, оказался приватизирован Свердловским регионом и во многом ассоциирован сейчас с ним [6]. Для Пермского края характерен отход от привычного индустриального духа в позиционировании региональной особенности. Региональная элита во время губернаторства О. Чиркунова предприняла серьезный идентификационный переворот, используя новые стратегии и темы определения себя на основе разнообразных ивентов, в частности, на основе регионообразующего культурного проекта – идеи культурной столицы. Макрорегиональный маркер и амбиции территории были изменены с географического (Урал) на цивилизационные (Европа). Новый губернатор В. Басаргин и его текущая символическая политика основываются на почвеннической идее, патриотических и земельных дискурсах. Казалось бы, социокультур-

ные особенности Урала, являющиеся одним из базовых оснований традиционной идентичности, должны усиливаться в такой политике, однако пока этого не происходит. Возможно, в будущем в Пермском крае будет сделана ставка на развитие мифологии “Перми Великой”, через которую уральские образы будут реанимированы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бурдые П.* Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи “региона” // *Ab imperio*. 2005. № 3. С. 45–60
2. *Бусыгина И.М.* Политическая регионалистика. М.: РОССПЭН, 2006. 279 с.
3. Европа началась с Перми // *Коммерсант*. № 222 (1866). 01.12.1999.
4. *Иванов А.* Message: Чусовая. СПб.: Издательский дом “Азбука – классика”, 2007. 480 с.
5. *Каганский В.Л.* Ареальная парадигма пространственной идентичности: основания, пределы, выход за пределы // *Вестник ПНЦ УрО РАН*. 2014. № 5. С. 10–20.
6. *Киселев К.В.* К вопросу об идентичности Свердловской области // “*Дискурс-Пи*”. 2014. № 2–3. С. 206–209.
7. *Назукина М.В., Подвинцев О.Б.* Особенности позиционирования регионов Урала на современном этапе // *Политическая регионалистика и исследования в регионах России. Политическая наука: Ежегодник 2010*. М.: РОССПЭН, 2011. С. 216–237.
8. *Назукина М.В., Подвинцев О.Б.* Российская федерация как система и иерархия идентичностей // *Вестник Пермского научного центра*. 2013. № 4. С. 45–51.
9. *Ноженко М.В., Яргомская Н.Б.* В поисках нового регионального сообщества: возможная перспектива рассмотрения федеральных округов // *Политическая наука*. 2005. № 3. С. 119–141
10. Пермь и Екатеринбург. Монтеки и Капуллетти. Обзор газет начала прошлого века с 17 по 24 мая // *Пермские новости*. № 21. 23.05.2008.
11. Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой. Пермь: редакционно-издательский совет ПГПУ, 2013. 240 с.
12. *Бажов П.П.* Ермаковы лебеди. Библиотека ВВМ. http://www.velib.com/read_book/bazhov_pavel/rasskazy/ermakovy_lebedi/ (дата обращения: 13.10.2014).
13. *Беркович А.* Пермь и Екатеринбург: история соперничества // *Домострой*. 2001. № 11. <http://www.1723.ru/read/dai/dai-55.htm> (дата обращения: 30.11.2014).

14. Волшебная жемчужина Урала. Пермь Великая Чердынь. Официальный сайт г. Чердынь. <http://cherdun.permonline.ru/> (дата обращения: 13.10.2014).
15. Губернатор Виктор Басаргин поздравил жителей Пермского края с наступающим Новым годом. Пермский региональный сервер, 31.12.2014. <http://www.perm.ru/?id=1000064&show=29721> (дата обращения: 13.10.2014).
16. Иванов А. Самый большой реальный бренд Урала – это труд // Федерал Пресс, 18.04.2011. http://old.fedpress.ru/federal/press_center/interview/id_226599.html (дата обращения: 13.10.2014).
17. Киселев К.В. Территория Европы. Смогут ли российские регионы перестать быть провинцией // Политический журнал. 2006. № 23. <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=113&tek=5891&issue=166> (дата обращения: 13.10.2014).
18. Компания “Уралалко”. <http://www.uralalko.ru/catalog/details/9/> (дата обращения: 13.10.2014).
19. Кремль готовит передел России: Медведев изменит карту до неузнаваемости. Новости NEWSru.com 16.11.2010. <http://www.newsru.com/russia/16nov2010/aglomer.html> (дата обращения: 13.10.2014).
20. Кто на самом деле основал Пермь? Интернет-газета NewsKo, 16.06.2010. <http://newsko.ru/articles/nk-420327.html> (дата обращения: 13.10.2014).
21. Медведев попросил Фурсенко не употреблять термин “макрорегион”, Газета.Ru 24.07.2008. <http://www.izbrannoe.ru/42840.html> (дата обращения: 13.10.2014).
22. ОАО Кондитерская фабрика “Пермская”. <http://www.pkf.perm.ru/> (дата обращения: 13.10.2014).
23. Общая характеристика региона. Пермский региональный сервер. <http://www.perm.ru/index.php?id=114054> (дата обращения: 13.10.2014).
24. Открытое акционерное общество “Пермалко”. <http://www.permalko.ru/products/> (дата обращения: 13.10.2014).

Urals Macroregion in the System of Territorial Identities of Modern Russia

M.V. Nazukina

*Perm Scientific Center, Urals Branch, Russian Academy of Sciences, Perm, Russia
e-mail: nazukina@mail.ru*

Macroregional identity as a separate level of territorial self-identification of the population is analyzed. Two meanings of the term of macroregion, i.e., the institutional meaning and the imaginary meaning, are proposed. The first meaning refers to subnational level of spatial organization of life of the population of a state, which is localized within macroregion through political and governmental institutions and administrative boundaries. The second meaning is related to a group and a community, the formal territorial boundaries pale into insignificance and turn into a mental symbolic construct. The main trends of the system of regional identifiers of the Urals as a macroregion are highlighted. This macroregion is characterized by industrial specificity of territories. The boundary of “Europe – Asia” and heroes of the region – Yermak, Bazhov and manufacturers (Demidovs, Stroganovs) also play significant symbolic roles. The content of the existing system of the Ural identifiers in Perm krai is determined. It is shown that Perm krai is characterized by the diversified macroregional identity and a gradual departure from the Ural identification. The cause of this is the classification of the krai to the Volga Federal District and the policy of former Governor O.A. Chirkunov, who put politics of identity of the krai on civilizational (“European”) foundation.

Keywords: identity, region, macroregional identity, boundaries, Ural, Urals identity, brand, symbols, the Governor, Perm krai.

doi:10.15356/0373-2444-2015-6-37-47